

Наталья Фролова

Эфес и Троя



Памятники всемирного наследия

Наталья Фролова

Эфес и Троя

«ВЕЧЕ»

Фролова Н. Г.

Эфес и Троя / Н. Г. Фролова — «ВЕЧЕ», — (Памятники всемирного наследия)

В огромном культурном наследии, которое оставили потомкам античные цивилизации, прежде всего Эллада и Древний Рим, немалое место занимает культура Малой Азии. В данной книге рассказывается о значительной ее части – наследии легендарной Трои и вполне реального Эфеса. Ввиду скудости археологического материала, особенно в случае с Троей, автор воспользовался легендами, гомеровским эпосом «Илиада», не забыв о методе исторической аналогии. Рассказ построен в виде литературной экскурсии, благодаря чему читатель, познакомившись с историей Эфеса и Трои, узнав, какими они были прежде, может представить их нынешнее состояние. Если же возникнут интерес и желание посетить эти города, то книгой можно воспользоваться как путеводителем.

© Фролова Н. Г.

© ВЕЧЕ

Содержание

Эфес	5
Немного об истоках	7
Греческая колония	13
Чудо света	21
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Наталья Фролова

Эфес и Троя

Эфес

Что за богатство! Как много всего!

С изумленьем смотрю я...

Гомер, «Одиссея»

За свою многовековую историю Эфес пережил так много, что не смог этого перенести. Пыль веков начала оседать на его улицах еще в пору Римской империи, а вскоре после ее падения старые камни и вовсе ушли под землю, чтобы тысячелетие спустя появиться на свет на радость нынешним туристам. Здешние места помнят Крѣза, Александра Македонского, Ганнибала, Юлия Цезаря, Марка Антония. Здесь жил и работал философ Гераклит, получавший знания и жизненный опыт «сам от себя», здесь соединил «в общество рассеянных по земле людей» ритор Цицерон, которому был известен рецепт создания «наилучшего государства и наилучшего гражданина». Апостол Павел пришел сюда, чтобы найти благодарных слушателей. Мать Божия нашла в Эфесе пристанище в последние дни свои, о чем поведал апостол Иоанн, написавший здесь свое Откровение.

Город удачливых торговцев, менял, мыслителей, поэтов, художников, хитрых мужчин и образованных женщин, Эфес располагался на берегу моря, имел крупный порт и процветал за счет торговли. После землетрясения море отошло, а город, чтобы выжить, перебрался на гору, где начал новое, блеклое и бесславное существование, довольно быстро превратившись из столицы края в убогую деревню. «И увидел я новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уже нет», – воскликнул бы Иоанн Богослов, если бы ему довелось увидеть Эфес через несколько веков после своей смерти.

Древний город не погиб, но стал совсем другим. Современный мир узнал о нем в 1869 году, после того как английские археологи произвели раскопки вблизи небольшого турецкого городка Сельджук и обнаружили остатки бывшей греческой колонии. Освобожденные от земли, взору предстали площади, мощеные улицы, храмы, дворцы, неплохо сохранившиеся жилые дома. К сожалению, часть найденных тогда вещей, в основном предметы искусства, оказалась в Британском музее. Несмотря на то что изыскания ведутся по сей день, почти половина Эфеса все еще скрыта под землей. Теперь в нем нет величественных храмов или беломраморных дворцов, почти все здания превратились в руины, некогда шумные площади заросли травой и только улицы – широкие, выложенные почти не пострадавшими от времени плитами, – как и прежде служат по своему прямому назначению.



Сегодня в Эфесе по-прежнему многолюдно

Город античный изолирован от современного. Он располагается в долине между холмами Бюльбюль и Панаир, начинаясь на востоке от Магнезианских ворот и плавно спускаясь к западу до древнего, разумеется, недействующего порта. Большая часть археологической зоны Эфеса скрыта болотом и потому труднодоступна, что сильно влияет на сроки и качество раскопок.

И все же в мире найдется не много мест, способных поспорить с Эфесом по количеству приезжих. Здесь многолюдно всегда и настолько, что порой бывает трудно подобраться к памятникам. Такая же толчея и в музее Сельджука, куда с раскопок отправляют все, что нельзя хранить под открытым небом: мелкую скульптуру, архитектурные детали, таблички с надписями, украшения, расписные вазы и примитивную будничную керамику.

Сегодняшний Эфес – один из наиболее популярных центров средиземноморского туризма. Он привлекает не только обилием следов ушедшей эпохи, но и расположением. В этот небольшой город ежедневно сушей и морем прибывает несчетное число путешественников, благо там можно не только изучать прошлое, но и неплохо отдохнуть – все-таки берег Эгейского моря.

Немного об истоках

Легендарная история Эфеса выглядит не такой уж фантастической. В самом деле, нет ничего нереального в том, что сын последнего афинского царя Кодра пожелал отделиться от отца и править собственным городом. Столь серьезные вопросы тогда решались в Дельфах, куда и отправился царевич Андрокл. Оракул прямых советов не давал, но намекнул, что место для нового царства находится там, где одновременно покажутся рыба и кабан. Будущий правитель решил искать его в дальних краях, а именно в Малой Азии, которую эллины именовали Анатолией (от греч. anatole – «восток»). Собрав команду из верных людей, он погрузился на корабль, пересек Эгейское море и, миновав остров Самос, подошел к западному побережью. Приглянувшаяся ему бухта не фигурировала в пророчестве, зато была красивой, удобной и вдобавок находилась далеко от Эллады, как того и хотел Андрокл.



Развалины Эфеса

Указанные оракулом знаки не заставили себя ждать. Путешественники высадились на берег и тем же вечером сидели у костра, на котором местные поселяне жарили рыбу. Трещали сухие ветки, пламя взмывало вверх и от порывов ветра разлеталось вокруг множеством искр. Вдруг огонь перекинулся на ближайший куст, и оттуда с визгом выскочила дикая свинья. «Вот оба знака рядом, значит, город нужно закладывать здесь», – подумал Андрокл и приказал начинать строительство. Символом новой греческой колонии был выбран кабан. Обычно это животное олицетворяет грубую силу и жестокость, но в данном случае, увековеченное в камне, оно напоминало о чуде и потому являлось предметом поклонения.

Впоследствии легенда об основании Эфеса и деяниях его основателя Андрокла часто возникала в памятниках искусства. Чаще всего о ней вспоминали скульпторы, в частности создатели фриз, которые сегодня можно увидеть в Сельджукском музее.

Первой крупной неприятностью для греков-колонистов стали амазонки. В Элладе ходили слухи о женщинах-воительницах из Малой Азии. Говорили, что они, однажды истребив всех мужчин своего племени, создали боевую общину, где каждую девочку с раннего возраста учили владеть мечом, метать дротики, копьё, стрелять из лука. Амазонки проводили жизнь в седле и были очень свободолюбивы. Иногда их совершенно несправедливо называли безгрудыми, поскольку они якобы отнимали себе правую грудь для того, чтобы удобнее было натягивать тетиву. Впрочем, будь оно так, женское племя выродилось бы еще в первом поколении, чего, как известно, не произошло. Амазонки терпели мужчин, но только ради продолжения рода. Чтобы не вымерла община, они раз в год встречались с представителями противоположного пола, нападая на соседние племена и захватывая «самцов» в плен либо договаривались миром. Так или иначе, но после таких встреч появлялись дети – мальчики, которых отдавали отцам, и девочки, которые оставались с матерями и, подрастая, пополняли ряды женщин-воинов.

Афиняне свиданий с амазонками ждали, втайне боялись и желали. О том, как началось их общение, легенда не сообщает. Может быть, воинственные соседки напали на эллинов, произошла битва и мужчины победили. А может, обошлось и без сражения, что более вероятно, если верить преданию, где говорится, что Андрокл был сражен красотой предводительницы амазонок Эфесии, чье имя в переводе с греческого звучит как «желанная». Плодом любви афинского царевича и дикой кочевницы стал не ребенок, а целый город, точнее его название – Эфес.



Карта прибрежной части Малой Азии

По легенде, после всех этих событий одни амазонки вышли замуж за греков-поселенцев и постепенно отвыкли от прежней боевой жизни: передали мужьям оружие, облачились в женское платье, перестали верховодить в государстве и заняли скромное место в семье, словом, превратились в обычных эллинских женщин. Другие, не пожелав изменять военному делу, составили отряды царских телохранителей. Третьи посвятили себя служению Артемиде и, как уверяет Павсаний, в качестве жриц этой богини охраняли посвященный ей храм в Эфесе. Тем же автором и в том же сочинении («Описание Эллады») описаны ритуальные танцы эфесских амазонок с систром и кимвалом.



Оригинал статуи «Раненная амазонка» (V век до н. э.) утрачен, как и другие шедевры Поликлета, но римская копия в мраморе ничуть не хуже

В Античности существование племени воительниц сомнений не вызывало. Однако ко времени, когда в мире появилось полноценное искусство, о них остались только воспоминания. Как бы ни занимала скульпторов тема женщины с оружием – явления необычного и поныне, – для воплощения ее приходилось призывать на помощь фантазию. Изображения амазонок в росписи посуды, на фресках и в композициях из камня встречаются почти у всех античных ваятелей. Великий Поликлет вместе со своими столь же знаменитыми коллегами Фидием и Кресиладом участвовал в конкурсе по созданию подобной статуи для храма Артемиды в Эфесе и занял первое место. «Раненная амазонка» Поликлета одной рукой опирается на полуколонну, а другую картинно закинула за голову. Видно, что она могла бы устоять и без опоры: красивая и сильная, девушка крепко стоит на земле, не показывая, какие страдания причиняет ей рана.



На греческой вазе изображен бой Геркулеса с амазонками

Греческие мастера, как правило, изображали амазонок в коротком мужском платье, оставлявшем обнаженными руки, ноги и правую сторону груди. Художники Анатолии иногда изображали их в боевом облачении азиатских солдат, чаще всего в штанах и фригийских колпаках. Типичный для своего времени взгляд на это явление выказал Рубенс. Созданное им грандиозное полотно «Битва амазонок» великолепно по виду и беспощадно по содержанию, в чем автор не погрешил против истины, ведь сражения древних отличались крайней жестокостью, неважно, были ли их участникам и мужчины или женщины.



«Битва амазонок» в трактовке великого фламандца Рубенса

Легендарные прародительницы эфесцев встречаются во многих греческих мифах. О них упомянуто в предании о Троянской войне, причем, в последний раз, может быть потому, что в ней они были побеждены. Сохранилась расписная ваза, где представлен заключительный момент одного из сражений: мертвые, раненные и еще сражающиеся амазонки вокруг Геркулеса, за спиной которого стоит бог-покровитель, трубящий в победный рог.

Греческая колония

В основе преданий об амазонках лежит вполне реальное противоборство племен. Древние народы, находясь на разных ступенях развития, имея неодинаковые возможности, искали лучшее место под солнцем, а таких было немного даже в благодатном Средиземноморье. Считается, что заселение прибрежных земель Малой Азии в начале II тысячелетия до н. э. состоялось благодаря карийцам и лелегам. «Желанный» Эфес возник в конце того же тысячелетия, став полноценным городом не ранее, чем в IX веке до н. э. В данном случае можно поверить легенде, тем более что расположился он в низовье реки Кайстрос (современный Малый Мендерес), а тот впадает в Эгейское море как раз напротив Аттики. Однако в появлении на свет Эфеса виновны все же не афиняне, о которых повествуют только мифы, а ионийцы, чье присутствие в этом крае подтверждено и слухами, и археологией.



Развалины Эфеса

Именно так называли себя представители одного из самых крупных античных народов, произошедшие, по их собственному мнению, от некоего храбреца и мудреца Иона. На заре своего существования они жили племенами, занимая всю Аттику и некоторые острова Средиземного моря. Не выдержав напора более сильных и менее культурных соседей, потомки Иона оказались на западном побережье Малой Азии, где образовали собственное государство – Ионию. Эта страна, включавшая в себя не только прибрежные земли (между городами Фокея и Милет), но и ближайшие острова, по виду была греческой, а по сути азиатской. Ионийцы носили эллинскую одежду, жили в эллинских домах и держали в умах эллинскую философию, но почти во всех войнах выступали против своих исторических собратьев.

Расположенная на стыке торговых путей, Иония получала немалую прибыль от караванов – морских и сухопутных, следовавших с востока на запад и обратно, державших путь к Чёрному морю или направлявшихся в Африку. Впрочем, местные жители, которых природа наделила предприимчивостью, успешно торговали и сами. В Ионии рождались вещи удивительной красоты, отсюда по всему античному миру распространилась мода на легкие, почти воздушные ткани с характерным рисунком, на особую обувь, мебель, золотые украшения. Немалый вклад внесли потомки Андрохла в искусство, достаточно вспомнить актуальный и поныне ионийский стиль. Каждый мало-мальски образованный человек в эллинском мире знал о храме Геры на Самосе, храме Аполлона в Дидимах (город близ Милета), но превыше всего ставился неповторимый во всех отношениях храм Артемиды в Эфесе – самом крупном и богатом полисе Ионии.



Колонна ионического ордера в малоазийском варианте

Эфесское бытие не было в полном смысле мирным. Однако эфесцы, как могли, избегали войн, предпочитая оружием силу красоты и умного слова. Им удавалось сохранять связь с Элладой, поэтому местная культура, вобравшая в себя все лучшее от двух великих цивилизаций, достигла в этом полисе воистину заоблачных высот. Здесь греческую страсть к прекрасному органично дополняла восточная мудрость. Не случайно именно в Малой Азии, а вовсе не в Аттике или Пелопоннесе, где не прекращались войны, создавали свои бессмертные труды патриархи греческой философии Фалес, Анаксимандр и Анаксимен. В Эфесе жил и писал свою «Историю» Геродот, труды которого тоже принято относить к греческой, а не к малоазийской культуре.

В отсутствие точных сведений можно предположить, что в то время культурная жизнь города сосредотачивалась на главной площади. Греки называли ее агорой, приспособив для торговли, деловых встреч, учебы, прогулок, то есть для всего, что могло совершаться вне дома.

Изначально агора представляла собой открытое, стихийно сформировавшееся пространство в гуще городской застройки. В классическую эпоху ее расположение стало более обособленным, а еще позже, уже в пору Римской империи, она и вовсе отделилась от города, скрывшись за оградой с единственным входом. Такой тип агоры предпочитали жители Малой Азии, и такой была центральная площадь Эфеса. Здесь главная площадь, имея множество функций, в первую очередь служила местом для общих собраний, которые тоже назывались агорами.



Остатки агоры в руинах Эфеса

Свободные граждане Эфеса занимались государственными делами с удовольствием. Для столь важного дела они жертвовали многим, например полуденным отдыхом или обедом, благо плотный завтрак с парой стаканов неразбавленного вина позволял в течение дня обойтись легкой закуской. Все необходимое для этого – пшеничные и более дешевые ячменные лепешки, жареное мясо, овощи, фрукты, сыр и то же вино – можно было купить на агоре. Вилоч, ложек, не говоря уж о стаканах, эллинский мир не знал: пищу греки брали руками, пили из бурдюков, а соус черпали лепешкой, свернув ее в широкую трубку. За соблюдением порядка на рынке следили специальные должностные лица. Так, ситофилаки наблюдали за хлебной торговлей, а метрономы, или агораномы, контролировали точность употребляемых мер.

В течение всей греческой истории Эфеса агора оставалась царством мужчин. Женщинам, исключая рабынь, вход сюда был строго воспрещен. Впрочем, на улицу они вообще выходили редко, и то со служанкой, обязательно прикрыв лицо от нескромных взглядов. И даже такие выходы могли совершаться по достижении определенного возраста, когда, заметив незнакомку, прохожий мог спросить: «Чья это мать?», не задумываясь о том, что она может быть чьей-то женой или дочерью. Эллинские традиции требовали от порядочной женщины, каковой считалась замужняя горожанка, вести себя так, чтобы люди не могли сказать о ней ничего плохого, но и ничего хорошего. Ей не полагалось привлекать к себе внимание, ведь так делали «пре-

зренные и такие желанные» гетеры, которым выставлять напоказ ум, талант, начитанность и тем более красоту позволяла профессия.

Древние греки считали, что в тот момент, когда женщина снимает свой хитон, она лишается подобающего ей уважения, – воззрение довольно странное, и, может, из-за этого в греческих семьях было так мало детей.

Несмотря ни на что женщины занимали в античном обществе свое, хотя и не слишком значительное место. Без них не обходился ни один эпос, о них пели, им посвящали поэмы, о них рассуждали философы, правда, большей частью негативно. Историки брали на себя труд исследовать положение своих современниц в семье и государстве, не забывая описывать их внешность. Перипатетик псевдо-Дикеарх (II–I века до н. э.), удивляясь, насколько отличаются женщины из разных греческих полисов, заметил, что жительницы Ионии окутывали тело легкой светлой тканью, оставляя открытыми только глаза. Многие из них получали хорошее образование, некоторые писали стихи и все славились изяществом, утонченностью, тягой к прекрасному. Стратег Ксенофонт (V–IV века до н. э.) будучи поклонником армейских порядков, осуждал мужей, которые запирали своих жен в гинекее, то есть на женской половине дома. «Разве предназначение женщины в том, чтобы в уединении пряхать шерсть? – вопрошал он. – Могут ли те, кто воспитан таким образом, произвести на свет нечто великое?».



Подвешенная на цепи чаша весов и крючок – инструменты эфесского агоранома

Как оказалось, могут, о чем свидетельствует греческая культура, в том числе архитектурные памятники, до сих пор изумляющие своей нетленной красотой. Сегодня немалое пространство Верхней (Государственной) агоры в Эфесе занимают руины римской поры. Главная городская площадь меняла облик многократно, и всякий раз новые постройки вырастали на месте старых, поэтому сохранилось только то, что было возведено последними обитателями города, разумеется, античными. Между тем даже по малым остаткам легко узнать, какой вид имели здешние сооружения.

Территория рынка агоры делилась на круговые сектора по видам товаров. Здания – правительственные учреждения, галереи с ремесленными мастерскими, храмы – окружали площадь по периметру, и таким же образом располагались статуи. Все здешние постройки были украшены изящными колоннами с капителями в ионийском и коринфском стиле.

Агора в эллинских городах была центром общественной и деловой жизни. Ее обрамляли торговые ряды, общественные здания и святилища самых чтимых богов. Формируясь стихийно в период архаики, в эллинистическую эпоху они планировались и устраивались уже как единое целое с городом. При детальном изучении агоры в Эфесе выяснилось, что с ней произошло то же самое: ранний греческий рынок, возникший, наверняка, без плана, при римлянах был перестроен по строгим правилам городской планировки, получив название Нижняя (Народная) агора. После реконструкции площадь приобрела вид правильного четырехугольника со сторонами в 100 м. Все окружавшие ее постройки, кроме монументальных ворот, были разрушены до основания. Однако узнать, чем они являлись в лучшие свои времена, труда не составляет, поскольку от них сохранились крупные фрагменты, которые вместе с характерными деталями позволяют догадаться о назначении того или иного здания, а также надписи, которые это подтверждают.

То, что может видеть современный гость Эфеса, построено во времена Октавиана Августа и Клавдия (I век н. э.), а завершено три столетия спустя, при крещеном императоре Феодосии Флавии. Тогда агора была центром торговой деятельности, куда съезжались купцы со всех концов империи. Здесь имелся рынок рабов, проводились собрания по случаям религиозных и светских праздников. С южной стороны агора была украшена двойной колоннадой портика, под которым размещались торговые ряды. На севере, немного поодаль, красовалась внушительная по размеру колоннада базилики, построенной на средства римских императоров, как принято считать, из династии Юлиев-Клавдиев. На одном из углов площади и поныне стоит памятник императору Нерону.

Дворец рядом с главной площадью во все эпохи, будь-то греческая, персидская или римская, в Эфесе назывался по-гречески – пританей. Поскольку весь буле (от греч. *bule* – «совет») из-за своей многочисленности не мог заседать постоянно, текущими делами занимались его дежурные члены – пританы, для которых обычно строилось отдельное здание. Эфесские пританы собирались в том самом дворце. К ним можно было обращаться в любое время, даже ночью. Выслушивая вестников и послов, они осуществляли полицейскую власть, созывали и готовили программу заседаний для буле и народных собраний. Руководил всем этим эпистат пританей, избиравшийся жребием на сутки. Ему вменялось хранить печать, а также ключи от государственной казны и архива.

Сравнимый с современным муниципалитетом, эфесский пританей строился для государственного совета. Чаще всего он был местом, где проводились суды, чередовавшиеся с разного рода заседаниями. Иногда его занимала знать – местные аристократы время от времени нуждались в просторном помещении для пиршеств. Пританей считался символическим центром полиса, в нем находился священный очаг, где горел негасимый огонь.

В пританее эфесцы принимали послов, по праздникам устраивали общественные трапезы, здесь же кормились, согласно специальным декретам, почетные граждане города и некоторые иностранные гости. Это здание строилось долго и, видимо, не зря, ведь именно оно стало самым большим в городе. Возводить его начали ионийцы-греки в III веке до н. э., а закончили ионийцы-римляне в III веке н. э. Выдержав такой срок строительства, пританей смог простоять еще долгие века. Он сильно изменился и снаружи, и внутри, но уцелел, и теперь наши современники могут изучать по нему античную архитектуру. Здесь находятся хорошо сохранившиеся дорические колонны. Довольно четкие очертания имеет алтарь, где горело священное, а потому «вечное» пламя; столь ценное качество огня, как неугасимость, призваны были поддерживать сами пританы. Не так давно в результате раскопок именно в пританее были обна-

ружены две фигуры Артемиды Полимастрос (Многогрудой) – такой богиня охоты изображалась только в Эфесе. В настоящее время обе статуи выставлены в Сельджукском музее, вблизи которого находится район раскопок.



Эфесские жители в мраморе

Раньше в пританей посторонних не допускали. Сегодня каждый желающий может посидеть на каменных ступенях, как некогда делали правители Эфеса, судьи, высшие государственные чиновники и секретари. По должности пританы обращались к Гестии, богине огня и домашнего очага, ведь изначально пританей являлся ее святилищем. Со временем городская власть переместилась в новое здание по соседству, а старое так и осталось храмом. В нем по-прежнему горел священный огонь, поддерживаемый теперь уже настоящими жрецами, которые освободили чиновников от участия в жертвоприношениях и культовых обрядах. Один из таких ритуалов требовал состояния экстаза: пожевав опий, жрецы Гестии выстраивались в определенном порядке и, танцуя, шли к храму Артемиды. Если в это время на глаза кому-нибудь из священнослужителей попадался преступник, идущий на казнь, его освобождали – великие боги, в отличие от судей, были великодушны.

Особого жреческого сословия в греческих полисах не существовало. Жрецов голосованием избирал народ; те, кто удостоивался этой чести, могли общаться с богами от имени сограждан. Они обретали право не только возносить молитвы, но и совершать жертвоприношения, что, впрочем, не возбранялось и простым горожанам. В отсутствие полноценного духовенства религиозные обряды по мере сил и возможности исполнял каждый житель города. Оправданием тому служила сама эллинская вера, основанная на том, что живым признавалось все видимое и слышимое вокруг. Обращаясь к силам природы, греки надеялись на их помощь, стараясь снискать милость дарами, то есть жертвами.

Со временем стихиям стали соответствовать определенные символы. Так, лошадь в качестве знака бурного моря имела отношение к Посейдону, а лань как олицетворение лесов была спутницей Артемиды, которая, как известно, покровительствовала не только растениям, но и диким животным. После анимизма и зооморфизма пришел черед миксантропии, когда духовный мир эллинов наводнили разные фантастические создания, полуживотные-полулюди – кентавры, сатиры, ехидны – или непонятно из чего сложенные существа, например химеры. На последнем этапе богов начали представлять в человеческом облике. Поместив их на Олимп (верховных богов), в водоемы (наяд) или в лесные чащи (дриад), греки наделили заступников властью над стихиями. Поклоняться природе уже не имело смысла, поскольку над ней властвовали более понятные, привычного вида существа, которые к тому же лучше понимали молитвы, а потому быстрее на них реагировали.

Из такой «очеловеченной» религии родилось понятие о культовой скульптуре. Статуям богов требовались храмы, а те, в свою очередь, не могли обойтись без жрецов – служителей божеств, которые находились бы при них неотлучно. Им надлежало заботиться о здании, содержать в порядке священную утварь, принимать дары, внимать указаниям «хозяина», исполняя его волю.

*...Песнями возносить должное почтение богам...
Богам и героям почести следует воздавать неодинаковые:
Богам – непременно в благом молчании, одевшись
В белое и освятившись, героям же – после полудня.*

Диоген Лаэртский. «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов»

Первые храмы строились как жилища богов. В них позволяли находиться только жрецам, тогда как верующие для молитв и прочих священных дел собирались на ближайшей площади, где стоял алтарь, на котором совершали жертвоприношения. Когда жертвенные алтари

обосновались на агорах, новые храмы начали возводить там, где, по людскому представлению, было удобнее божествам: на холме, на берегу моря или на болоте, как получилось с храмом Артемиды Эфесской.

Чудо света

С начала I тысячелетия до н. э. Эфесом правили аристократы. Обоснование подобной формы правления сводилось к идее о неполноценности большей части населения, которому ничего не оставалось, как подчиниться элите, меньшей по числу, зато более совершенной. К VII веку той же эры знать сошла с вершины власти, уступив место тиранам. Ни к чему хорошему это не привело, поскольку в следующем столетии Эфес был завоеван соседями-лидийцами.

Правители маленькой Лидии уже давно и с опасным вожделием взирали на цветущие ионийские земли. Борьба за место под солнцем разгоралась медленно, пока не перешла в настоящую войну. Ее завершил легендарный царь Крёз, который с успехом осуществил то, что долго не могли сделать его предки. В 550-х годах до н. э. лидийцы двинулись на Эфес, покорили, не разрушив, желанный город, а затем быстро захватили соседние греческие полисы. После этого Крёз стал полновластным господином почти всего полуострова, за исключением государств на юге Малой Азии, за рекой Галис (современный Кызыл-Ирмак), где в неприступных горных твердынях жили ликийцы и киликийцы. Только им удалось сохранить свободу, тогда как побежденные области, добившись внутренней автономии, были вынуждены платить дань.



Развалины Эфеса

Крёз, окрыленный легкой победой, намеревался воевать и дальше. Теперь, дойдя до самого побережья, он хотел подчинить себе населенные греками острова – Самос, Хиос, Лесбос – и уже приступил к строительству флота, но как-то вдруг отказался от этих замыслов, может быть, вняв предупреждению астролога, а может потому, что и так был счастлив.

Владыка Лидии называл себя самым счастливым человеком в мире. По легенде, едва ли основанной на реальных фактах, однажды его навестил Солон, тот самый царь Афин, который отказался от власти ради благополучия своего народа. Он бродил по свету в поисках смерти, поэтому не боялся перечить Крёзу, заявив, что для живого человека счастье недостижимо, поскольку об этом могут судить лишь его потомки. Мысль спорная, ведь богатство кое-что дает, хотя бы чувство превосходства над другими, ощущение радости от приятного бытия или возможность созерцать красоту. В те давние времена, как, впрочем, и сегодня, все это можно было купить, а Крёз, как известно, был очень богат.

Река Тмол в Лидии, по уверениям греческих историков, несла золотой песок, но главное, огромные доходы обеспечивало господство над цветущими странами. Казна пополнялась так быстро, что правителю, еще не отвыкшему от лидийской скудости, пришлось подумать, куда же потратить деньги. Судя по тому, настолько увеличился и похорошел в ту пору Эфес, размышлял он недолго. Крёз купался в золоте сам и не забывал о городе, который именно в то время достиг наивысшего расцвета. Сражаясь с греками, он восхищался их культурой и старался приобщить к ней лидийцев. То ли по настоянию царя, то ли по примеру фригийцев некогда дикий народ освоил и переработал греческое алфавитное письмо, до того успев полюбить греческий язык. В свою очередь, греческий язык активно обогащался за счет языка лидийского. Предпосылки для взаимопроникновения двух культур создавали торговые и политические связи Лидии с ионийскими городами. Крёз щедро одаривал греческие храмы, отдавая предпочтение самому почитаемому, Дельфийскому с его всевидящими оракулами.

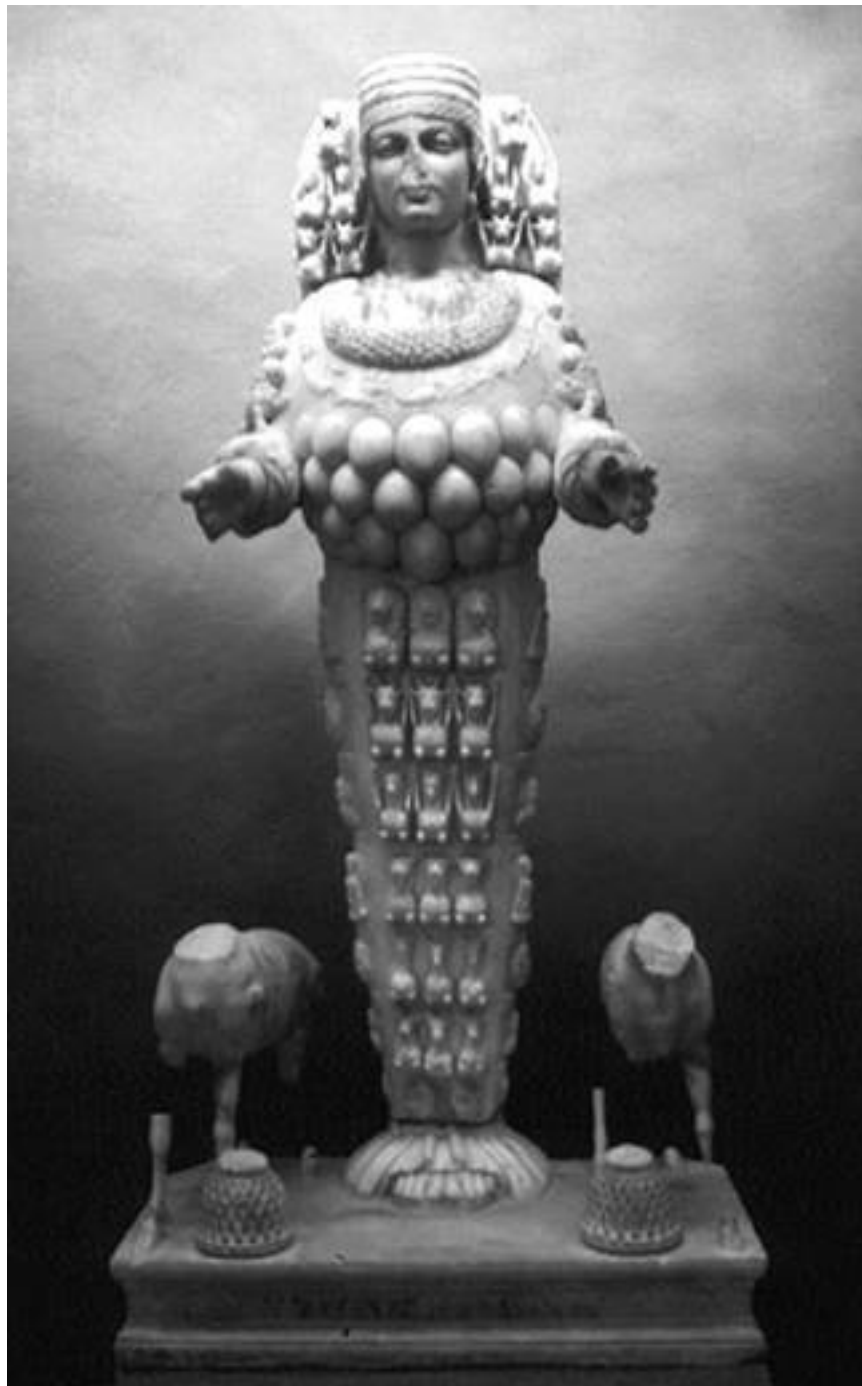


Эллинская Артемида-охотница

Жители Ионии видели основу благополучия в земле. Презирая физический труд, они не слишком высоко ценили ремесло, однако сельское хозяйство, как отмечал автор «Домостроя» Ксенофонт Афинский, «доставляло им приятность. К тому же это почтенное занятие умножало дом и упражняло тело, поскольку земля, доставляя всякие блага в изобилии, не позволяет брать их легко». До прихода греков в Малой Азии олицетворением живительных сил природы считалась фригийская богиня Кибела – Великая мать или, Мать богов, – которую люди представляли сидящей на троне, окруженной львами, с короной в виде замысловатой башни.

Колонисты не стали отменять местный культ, а соединили азиатскую мать-природу со своей Артемидой, получив совершенно иную богиню. Эллинская Артемида-охотница – дочь Зевса, сестра Аполлона – обитала в лесах, где охотилась в сопровождении нимф и своры собак. Она приносила естественную смерть женщинам, слыла кровожадной, поскольку использовала стрелы как орудие наказания неугодных. Богиня, созданная эфесцами, тоже обладала решительным и агрессивным характером и тоже строго следила за исполнением издавна установ-

ленных обычаев, вносивших порядок в животный и растительный мир. Однако в отличие от предшественницы Артемиды Эфесская не была ни девственной, ни юной, ни даже красивой. Здесь она походила на мумию: ее тяжелое многогрудое тело (символ деторождения) сплошь покрывали бычьи головы (символ земледелия).



Артемиды Полимастрос, или Многогрудая Артемиды Эфесская

Оставаясь покровительницей всего живого, она давала счастье в браке и оказывала помощь при родах, а заодно наделяла плодородием землю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.